

а ребятишки играютъ ими на улицѣ». Правда, Никобарцы—не ангелы и не достигаютъ совершенства—нуженъ имъ ромъ и табакъ, а это не входитъ въ систему Толстого. Но во всемъ остальномъ они исполняютъ въ точности ученіе Толстого: никакой дисциплины, никакого подчиненія. Они обладаютъ такою цѣльностью убѣжденія, какой не можетъ похвалиться самъ Толстой, ни ученики его; они одни, можно сказать, живутъ въ такихъ условіяхъ быта, въ какихъ можетъ осуществиться политическая экономія Толстого: «нѣтъ борьбы за существованіе—все, что нужно для жизни, готово—у воротъ». Болѣе того и Толстой не требуетъ. Онъ убѣжденъ, что бѣдность рабочаго класса происходитъ отъ того только, что богатые гонятъ бѣдныхъ съ земли, кишащей хлѣбомъ и всякими плодами земными, но такая политическая экономія возможна развѣ гдѣ на югѣ Россіи, на черноземѣ, и то въ урожайные годы. Если бы когда-нибудь обезумѣлъ весь міръ и сталъ бы примѣнять Толстовскую теорію правленія, населенію пришлось бы бѣжать изъ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи,—бѣжать куда-нибудь на черноземныя мѣста или на острова Никобарскіе.

Положимъ, что все это—личныя заблужденія: мудрѣйшій изъ философовъ можетъ заблуж-